

УДК 316.334.3:321

ПАВЕЛ КУТУЕВ,

доктор социологических наук, профессор, заведующий кафедрой социологии Национального технического университета Украины “Киевский политехнический институт”

АЛЕКСЕЙ ЯКУБИН,

кандидат политических наук, старший преподаватель кафедры социологии Национального технического университета Украины “Киевский политехнический институт”

ДМИТРИЙ ГЕРЧАНОВСКИЙ,

аспирант кафедры социологии Национального технического университета Украины “Киевский политехнический институт”

Государство, способствующее развитию: введение в социологическую проблематику

Чтобы создать рынки, нельзя просто полагаться на рынки. Укрепление рынков требует сильных государств.

Д.Старк

подавляющее большинство прыжков в росте не производится значимыми экономическими реформами, а подавляющее большинство значимых экономических реформ не производит прыжков в росте.

Д.Родрик

Рынок рационален; правительство — глупо.

Д.Армей

Первое, к чему я призываю, это укреплять бюрократию.

Г.Дерлугьян

Аннотация

В условиях острых дебатов общественников в континууме “девелопментализм vs неолиберализм” актуализируется определение палитры современных концепций государства, способствующего развитию. Это должно помочь более адекватно понимать суть современных социологических и политико-идеологических дебатов касательно модели развития современных обществ, трансформаций модерна и его особенностей на постсоветском пространстве.

Сейчас общественники имеют дело со следующими исследовательскими вопросами о государстве, способствующем развитию: 1) является ли этот тип государства сузубо региональным феноменом, присущим Восточной Азии, или существует возможность успешного создания такой институциональной матрицы в других регионах мира? 2) государство, способствующее развитию, — это явление прошлого или же оно может создаваться в современных условиях? 3) государство, способствующее развитию, по определению имеет избирательное сродство с жестко иерархической авторитарной бюрократией (как это было в большинстве успешных стран Восточной Азии, за исключением Японии) и даже с тоталитарной диктатурой (сталинский СССР) или мы все же имеем основания говорить о совместимости проекта государства, способствующего развитию, с демократическими практиками?

Ключевые слова: развитие; модернизация; социология развития и модернизации; девелопментализм; государство; государство, способствующее развитию

Теоретизирование о государстве в социологическом и политическом дискурсах имманентно характеризуется противоречивостью и высоким уровнем идеологической нагруженности / напряжения, поскольку способ концептуализации этого феномена обуславливает своеобразную интеллектуальную path dependency в постижении социальных изменений, своего рода “шиболет” социологии в целом. Собственно модерн как тип социума является продуктом деятельности государства, в свою очередь, современное бюрократическое государство, которое осуществляет “непосредственное правление над определенными территориями” (Ч.Тилли) — является следствием формирования модерна. Не менее важны практические импликации социологического дискурса о государстве для выбора практической политики развития / модернизации и идеологического проектирования этих процессов. Более того, с момента зарождения проекта развития как модернизации в послевоенном мире постижение социетального развития / модернизации происходило и нередко до сих пор происходит в системе координат, экстремумами которой являются государство, с одной стороны, и рынок — с другой [Кутуев, 2005]. Является ли развитие / модернизация, а значит, и современный социум продуктом стихийной эволюции рыночных сил или этот процесс должен инициироваться / находиться под надзором / дирижироваться государством — вот круг вопросов, и сегодня остающихся центральными для социологии и политики развития.

Несмотря на кажущееся многообразие политических сил и идеологий, действующих как на глобальных, так и на отечественных просторах, и активную конкурентную борьбу их за поддержку в электоральном поле, *de facto* подавляющее большинство политических игроков безотносительно к декларациям и риторике *by default* предлагают неолиберальный путь экономиче-

ского (шире — социального) развития. Иными словами, в последние десятилетия неолиберальный консенсус получил статус гегемонистической идеологии (см., например, глубокий анализ идеологической конвергенции лейбористов и консерваторов на примере Британии, проделанный Колином Хеем [Нау, 1998]). В то же время осознание недостатков неолиберальной политики нередко ограничивается морализаторской, нормативистской критикой, которая не предлагает ни теоретических, ни практико-политических / идеологических альтернатив. Принципиально важно также осознание разнообразия форм опыта и степени успешности политик развития: большинство национально-государственных девелопменталистских проектов заканчивались неудачами, а иногда и катастрофами (в частности, бывшая Югославия).

Таким образом, с одной стороны мы наблюдаем усиление заинтересованности обществоведов теорией и практикой государства, способствующего развитию. К примеру, американский социолог Фред Блок говорит о существовании скрытого государства, способствующего развитию, в якобы парадигмально (нео)либеральных США [Block, 2008]; динамика “кельтского тигра”, в последние два десятилетия пережившего взлеты и падения (сама терминология симптоматична, поскольку отсылает нас к “пионерам” государственного девелопментализма из Восточной Азии), также анализируется с активным использованием концептуального маркера “developmental state” [Paus, 2012]. С другой стороны, исторический социолог Георгий Дерлугьян предлагает расценивать СССР как гигантское государство, способствующее развитию; симптоматично, что этот мыслитель всегда переводит общий термин “developmental state” как “диктатура развития” [Дерлугьян, 2013].

Итак, обществоведы ныне имеют дело со следующими исследовательскими вопросами касательно государства, способствующего развитию: 1) является ли этот тип государства сугубо региональным феноменом, свойственным Восточной Азии, существует ли возможность успешного воспроизводства такой институциональной матрицы в других регионах мира? 2) является ли государство, способствующее развитию, явлением прошлого, или же оно может возникать в современных условиях? 3) имеет ли государство, способствующее развитию, по определению избирательное сродство с жестко иерархической авторитарной бюрократией (как это было в большинстве успешных государств Восточной Азии, кроме Японии) и даже с тоталитарной диктатурой (сталинский СССР) или же мы имеем основания говорить о совместимости проекта государства, способствующего развитию, с демократическими практиками (сознавая всю контраверсийность данного термина и сопровождающие его идеологизированные дебаты; к примеру, выступают ли США образцом демократической политики или плутократией?).

Попытка ответа на эти вопросы и противоречивые последствия неолиберальной политики побуждают широкий круг исследователей — от ветерана-теоретика Ч.Джонсона до Г.Дерлугьяна — обращаться к идеологическому предшественнику, девелопментализму, доминировавшему на мировой арене в 1950–1980-х годах в форме кейнсианской политики “всеобщей занятости” и имевшему своим основанием отрицание принципов либерального, прорыночного *laissez-faire*. Некоторые государства (Япония, позже — Южная Корея и Азиатские Тигры, частично Китай) не использовали во внутренней политике (нео)либеральные предписания, а благодаря эффективному консенсусу государственной бюрократии и собственников капитала смогли создать эффективные государства, которые позже были концептуа-

лизированы в социологической литературе как “государства, способствующие развитию” (термин введен в научный оборот в 1982 году американским социологом Ч.Джонсоном в работе “Министерство внешней торговли и промышленности Японии и японское чудо” [Johnson, 1982]).

Таким образом, в современных условиях острых дебатов обществоведов в континууме “девелопментализм vs неолиберализм” актуализируется определение палитры современных концепций государства, способствующего развитию. Это должно облегчить более адекватное понимание сути современных социологических и идеологических дебатов по поводу модели развития современных обществ, современных трансформаций модерна и его особенностей на постсоветском пространстве.

Попытки систематизации концепций государства, способствующего развитию, разные авторы предпринимали неоднократно, и, к сожалению, все они мало известны отечественным ученым.

Заслуживает внимания работа британской исследовательницы Л.Ротли “Государства, способствующие развитию: обзор литературы”, где автор пытается систематизировать все современные концепции государства, способствующего развитию [Routley, 2012]. В своем исследовании по истории возникновения девелопменталистских государств “Человеческое развитие, государственная трансформация и политика государства, способствующего развитию” влиятельный современный американский социолог П.Эванс с соавтором П.Геллером также предпринимает попытку обобщить концепции государства, способствующего развитию, и констатируют, что они значительно эволюционировали в течение последних тридцати лет, акцент исследователей смещается со сферы промышленного производства в сферу развития человеческих возможностей [Evans, 2012]. Любопытный анализ девелопменталистских теорий в марксистском ключе осуществляет Фуад Макки [Makki, 2015].

В отечественной социологической науке над проблемой теории девелопменталистского государства работают социологи П.Кутуев [Кутуев, 2012] и А.Малюк [Малюк, 2005]; политический аспект проблемы исследует А.Фисун [Фисун, 2010].

Итак, цель предлагаемой статьи — очертить проблематику теоретизирования о государстве, способствующем развитию, в современном социологическом дискурсе.

Теорию государства, способствующего развитию, впервые изложил американский исследователь Ч.Джонсон в монографии “Министерство внешней торговли и промышленности Японии и японское чудо” в 1982 году, где он проанализировал роль японского государства в рождении так называемого “японского экономического чуда”; большая часть этой влиятельной книги посвящена институциональной истории Министерства внешней торговли и промышленности. Такой способ анализа становления государства, способствующего развитию, наиболее распространенный и, скорее всего, самый продуктивный; это подробное изучение политической, экономической и бюрократической истории страны. Сам Ч.Джонсон, однако, признавал, что “основным вопросом до сих пор остается отделение теоретической “модели” от исторической реальности” (см.: [Johnson, 1995; Routley, 2012]).

А.Амсен, профессор политэкономии в Департаменте городских исследований и планирования в Массачусетском технологическом институте, предложила еще одну теоретическую перспективу применительно к госу-

дарству, способствующему развитию, описав в своем исследовании “Очередной азиатский гигант: Южная Корея и поздняя индустриализация” историю становления корейского девелопментализма. Исследовательница констатирует, что Корея и другие государства поздней индустриализации (в эту группу она включает Индию, Бразилию и Японию) воспользовались той же моделью развития. Амсен настаивает на том, что государственное регулирование рынков ради содействия развитию отечественного бизнеса оказалось полезным для национальных интересов этих стран [Amsden, 1989].

В том же ключе выдержана книга другого теоретика государства, способствующего развитию, Р.Уэйда “Управляя рынком: экономическая теория и роль государства в индустриализации Восточной Азии”, опубликованная в 1990-м году [Wade, s.a.]. Ориентируясь на промышленную политику, внедряемую на Тайване, Р.Уэйд использует свой анализ этих политических и экономических практик для опровержения неоклассических теорий, приверженцы которых настаивали, что государства Восточной Азии достигли экономического процветания благодаря императивам свободного рынка.

Теоретизирование о государстве, способствующем развитию, на примере Японии развивали Дж.М.Рамсейр и Ф.М.Розенблют в работе “Японский политический рынок” 1993-го года, посвященной институциональной структуре японской политической системы в 1950–1990-е годы [Ramseyer, 1993].

Завершает перечень классических работ по проблеме государства, способствующего развитию, исследование П.Эванса “Встроенная автономия: государства и индустриальные трансформации”, посвященное роли государства в промышленном росте, особенно в сфере информационных технологий, на примере Бразилии, Индии и Кореи в 1970–1980-х годах [Evans, 1995].

Теоретизирование представителей исследовательской программы государства, способствующего развитию, прежде всего происходит в рамках Веберовой системы координат. Но это своеобразный Вебер — Вебер, чем-то подобный Марксу структуралистов: в теоретизировании “государствоцентристов” немецкий мыслитель предстает как аналитик динамики объективных экономических и политических структур, тогда как идеативное измерение его дискурса преимущественно игнорируется (не удивительно, что среди сторонников этой школы популярны работы историка О.Гинце, в которых межгосударственные конфликты рассматриваются как движущая сила развития институций современного европейского государства). Несмотря на свое особое внимание к Восточной Азии, которая в течение последнего столетия была основным “поставщиком” государств, способствующих развитию, приверженцы одноименной исследовательской программы даже вскользь не упоминают о цивилизационной специфике этого региона. Естественно, что интеллектуальное движение в защиту центральности государства, с одной стороны, противопоставляет свою эмпирическую, сравнительно-социологическую ориентацию “великой теории” Парсонсового типа, а с другой — порывает с социологическим нормативизмом в пользу последовательно структурного уклона. Наиболее последовательно эти теоретико-методологические принципы отражены в программной работе Т.Скочпол “Государства и социальные революции”, где американская исследовательница призывает объяснять общественные трансформации, одной из разновидностей которых являются социальные революции, проблематизируя возникновение (но не создание идеологическим авангардом) революционной ситуации внутри режима. Следующим шагом должна стать

идентификация объективно детерминированных и комплексных переплетений разнообразных действий по-разному расположенных групп. Именно эти переплетения и обоюдные действия определяют форму революционного процесса и позволяют новому режиму набирать силу. Такое комплексное взаимодействие факторов можно понять только путем исключительной сосредоточенности на институционально детерминированных ситуациях и отношениях групп внутри общества при одновременном анализе взаимодействия между обществами в рамках международных структур, постоянно развивающихся во всемирно-историческом контексте.

“Приняв такой безличностный и несубъективный взгляд, подчеркивающий типичные отношения между группами и обществами, — делает умозаключение Скочпол, — мы разделяем позицию, которую можно обобщенно назвать структурным взглядом на социокультурную реальность” [Skocpol, 1979: p. 18]. Подход Скочпол хотя и был своеобразным “отрицанием отрицания” важности роли государства структурно-функционалистскими и плюралистическими теориями, одновременно не смог учесть влияние динамики идей на структурные изменения. Собственно этот недочет, — или скорее ослепленность, являющаяся логическим следствием такой теоретической ориентации, — преследует всех сторонников размещения государства в центре социологического анализа. Как продемонстрировала полемика между Т.Скоппол и В.Сьюэллом, сугубо структурный анализ оставляет “за скобками” дуальную природу структуры, а значит, не способен постичь роль идеологий в конституировании и институционализации социального порядка. Со временем Скочпол смягчает свои формулировки в отношении первичной роли структур в детерминации социально-политических изменений, но введение идеологических факторов в свой анализ она делает ситуативно, а не на уровне синтеза (обсуждая факторы иранской революции, которая свергла режим шаха Реза Пехлеви, Скочпол оперирует таким фактором, как моральная уверенность, и формулирует неожиданный и необоснованный вывод о логической созвучности объяснения успешного революционного развития государства и ссылок на роль духовных лидеров, с одной стороны, и на ее “государственноцентристскую” систему координат — с другой [Skocpol, 1979: p. 18]). То есть в пределах исследовательской программы государства, способствующего развитию, всегда остается открытым вопрос о критериях выделения необходимых и достаточных предпосылок радикальных общественных изменений.

Нельзя обойти вниманием существование связи между теориями государства, с одной стороны, и политическими традициями территорий, которые эти теории концептуализируют, — с другой: американское государство интерпретировали преимущественно с использованием концепции плюрализма, латиноамериканские — теорий зависимости, а для стран Восточной Азии была распропагандирована категория государства, способствующего развитию. Несмотря на всю свою условность, данная типология фиксирует ключевые отличия как в структуре, так и в культурных основаниях бюрократических машин указанных регионов. Хотя в случае Латинской Америки государство, которое можно было бы охарактеризовать как инициатора развития, существовало (даже Ф.Кардозо и Э.Фалетто в своем трактате, выдержанном в духе теории зависимости, обсуждают феномен государства, способствующего развитию [Cardoso, 1979: p. 143–148]), его институциональный профиль существенно отличался от восточноазиатского. Латиноамерикан-

ские государства тоже были авторитарными и активно поощряли практики политического капитализма, как и их восточноазиатские “коллеги”. Но в целом латиноамериканские государства оказались не в состоянии воплотить в жизнь доктрины развития, которые они реально или согласно риторическим заявлениям исповедовали. Препяды на пути реализации таких программ возникали из-за патримониальной природы бюрократии, которая была крайне нестабильной в силу своих тесных связей с политикой. Соответственно, назначение на ту или иную должность в государственном аппарате определялось не столько меритократическими соображениями, сколько политической конъюнктурой, что значительно сужало основания длительной власти бюрократии, делая невозможным проведение стабильной политики.

Напротив, в Японии мы имеем классический пример правления меритократической бюрократии, что, собственно, и не может удивлять, учитывая культурную “традицию”, опирающуюся на типичную переменную партикуляризма при одновременном акцентировании принципа достижения. По свидетельству Ч.Джонсона [Johnson, 1995], в стране восходящего солнца бюрократия “рекрутируется из самых лучших выпускников правовых факультетов ведущих университетов страны, а назначения осуществляются на основании обязательных, с точки зрения закона, национальных экзаменов — премьер-министр может лично назначить лишь двадцать министров и руководителей агентств — и на этих назначениях не сказываются результаты выборов. Бюрократия разрабатывает фактически все проекты законов, постановлений, распоряжений, правил и лицензий, которые руководят жизнью общества” (Р.Белла в своем классическом исследовании о религии Японии эпохи Токугава усматривает ключ к пониманию относительно успешного ответа японского общества на вызовы модерна во влиянии традиционных ценностей, более всего приближенных к западным среди западных обществ. Без сомнения, исследование Белла 1950–1960-х годов выдержаны в оптимистично-евроцентристском духе и игнорируют другую, более темную сторону наследия сегуната, которое привело к авторитарно-милитаристской попытке “преодоления модерна” японскими правящими слоями и интеллектуалами [Bellah, 1957; 1968]. Безусловно, данная система имеет свои недостатки — ее стабильность и защищенность от давления политического и гражданского обществ не позволяет изменять основы ее функционирования, что и продемонстрировал продолжительный кризис японской модели. При отсутствии глубокой интернализации конфуцианских ценностей, подчеркивающих первичность общественного блага, отсутствие механизмов сдерживаний и балансов в отношении бюрократии ведет к потере ею возможности принимать рациональные решения, с одной стороны, и подрывает практики политического бизнеса — с другой (детальнее о политическом бизнесе в Восточной Азии см.: [PoliticalBusiness, 2002]).

Успешное государство, способствующее развитию, должно знать меру собственного вмешательства и быть в состоянии останавливать его в случае необходимости. Весьма поучительно сопоставление опыта индийской и южнокорейской политики развития государства, способствующего развитию. Поражение Индии и успех Южной Кореи явились следствиями различий в способе распределения власти между правительственными агентствами. В случае Кореи совет по экономическому планированию (основной орган принятия решений в сфере экономической политики) имел достаточно полномочий, чтобы обходить и даже преодолевать сопротивление со стороны бюро-

кратии, заставляя отдельные министерства приспосабливаться к требованиям экономического планирования, тогда как плановой комиссии Индии самой пришлось приспосабливаться к власти и прерогативам министерств [Chibber, 2002]. Это объяснение, разумеется, нельзя интерпретировать как свидетельство негативного влияния демократии на развитие, что якобы делает невозможным внедрение целенаправленной и последовательной политики из-за плюралистического характера индийского политического общества. Индия пережила период чрезвычайного положения, которое, впрочем, не способствовало рационализации структуры принятия бюрократических решений, тогда как восточноазиатские государства придерживались сложной диалектики зависимости и автономии *vis-a-vis* общества.

Обсуждая институты государства, способствующего развитию, крайне нецелесообразно пренебрегать тем фактом, что многочисленные лидеры стран третьего мира вдохновлялись советской стратегией развития (достаточно вспомнить индийскую комиссию по планированию и южнокорейские пятилетние планы), фундаментальными чертами которой были: центральное всеохватывающее планирование, государственная собственность на средства производства, массивные государственные инвестиции в поддержку индустриализации и приоритетное развитие тяжелой промышленности. Опыт запоздалого развития показал, что эффективные результаты приносило сочетание государственного вмешательства с использованием рыночных механизмов. Еще одним мощным импульсом для действий государства, способствующего развитию, послужил опыт взлета Восточной Азии. К японскому “вундеркинду” в 1960–1980-е годы присоединились так называемые азиатские тигры, или “банда четырех” — Гонконг, Сингапур, Южная Корея и Тайвань. Успех этих стран, которые на начальной стадии развития можно было относить к полупериферии (в случае Японии) и периферии (в случае “тигров”), подверг сомнению жестко детерминированную бинарную дифференциацию мира, которую выдвигали теоретики зависимости и развития недоразвития, а также стал вызовом мир-системному анализу с его упором на то, что развитие — это всего лишь игра с нулевой суммой. Весьма ярким стал такой показатель, как отношение валового национального продукта на душу населения этих стран к среднему мировому валовому национальному продукту на душу населения. В 1960 году этот показатель составлял для Японии 281,9%, Гонконга — 103,8%, Сингапура — 105,9%, Южной Кореи — 45,4%, а Тайвани — всего 20,9%. Как видим, за исключением Японии, стартовые показатели этих стран находились либо на уровне среднемировых, либо были намного более низкими. Однако за 40 лет (то есть в 1999 году) восточноазиатские государства достигли разительного прогресса: японский ВВП на душу населения равнялся 703,8% от общемирового, Гонконга — 372,9%, Сингапура — 461,7%, Южной Кореи — 196,7%, а Тайвана — 211,3% [Arrighi, 2003: p. 305].

Далеко не все страны, ступившие на путь развития с опозданием, в основном из-за индустриализации, были пассивными получателями “даров” от развитых стран, которые передавали им устаревшие технологии, которые в совокупности требуют экстенсивных затрат труда. Некоторые из этих “запоздалых” государств оказались чрезвычайно активными и креативными благодаря своей способности к институциональным и политическим инновациям. На основе государственных субсидий индустриализированные страны Юга трансформировали частный сектор своих экономик, приблизив его к высокотехнологическим образцам Севера.

В широкий социологический обиход термин “the developmental state” ввел Ч.Джонсон, на украинский язык он был впервые переведен П.Кутуевым в 2000-х годах [Кутуев, 2005; Johnson, 1982]. Нельзя не вспомнить использование этого термина Г.Дерлугьяном, который, однако, переводил его как “государство догоняющей модернизации” или “диктатура развития” и вкладывал в него несколько иное содержание [Derluquian, 2005]. В современной социологической мысли понятие “государство, способствующее развитию” используется для обозначения гораздо более широкой группы стран, чем у авторов-первооснователей термина, у которых государство играло ключевую роль на том или ином этапе развития.

В классической форме теория государства, способствующего развитию, представляет собой синтез особенностей развития государств Восточной Азии, на основании чего создается идеальный тип такого государства. Точный перечень атрибутов, присущих государству, способствующему развитию, не является окончательным, но ссылаясь на обобщенную модель Л.Ротли, мы можем выделить следующие критерии:

- дееспособная, автономная, но укорененная в обществе бюрократия;
- политическое руководство, которое ориентируется на модернизацию;
- близкие, часто взаимовыгодные, симбиотические отношения между отдельными государственными органами и ключевыми промышленными капиталистами;
- успешные политические меры, способствующие экономическому росту [Routley, 2013; Якубин, 2015].

Согласно такому определению, государство, способствующее развитию, в отличие от ленинских государств, имеет рыночную, а не плановую экономику, но не обязательно является демократическим [Кутуев, 2011: с. 42–43] (об ограничении СМИ и средств коммуникации в рамках политики государства, способствующего развитию, в Эфиопии, см.: [Gagliardone, 2014]). Есть ряд авторов, в частности А.К.Багчи [Bagchi, 2000] и Г.Дерлугьян [Дерлугьян, 2013], которые идентифицируют СССР как государство, способствующее развитию, что значительно расширяет спектр возможных экономических моделей в рамках этой концепции, однако эта точка зрения не является общепринятой. Для понимания многовариантности социологического теоретизирования о государстве, способствующем развитию, важно определение того, какие конкретные современные государства концептуализировались в социологической литературе как способствующие развитию.

Классический триумвират государств, способствующих развитию, обычно включает Японию, Южную Корею и Тайвань. Япония стала первой страной, которая была концептуализирована как государство, способствующее развитию. Несмотря на некоторые различия в траектории становления, эти страны в основном рассматриваются в качестве классических моделей становления государств, способствующих развитию. Иногда к этому списку добавляются другие Азиатские Тигры — Сингапур и Гонконг (последний ныне является особым административным районом Китайской Народной Республики), но учитывая незначительную территорию и специфическое историческое развитие концептуализация их как государств, способствующих развитию, усложнена [Routley, 2012: р. 11]. Идентификация этих государств как способствующих развитию общепринята; у истоков такой концептуализации стояли Ч.Джонсон, Р.Уэйд, А.Амсен, А.Чонг, Си

Сенг Тан, А.Перейра, Х.Сасада; К.Сторз писала о важной роли высокотехнологического производства в японском триумфе [Johnson, 1982; Wade, s.a.; Amsden, 1989; Chong, 2009; Pereira, 2008; Sasada, 2013; Storz, 2008].

Работа Р.Уэйда “Управляя рынком”, уже ставшая классической, посвящена анализу подъема Японии, Тайваня и Южной Кореи. Р.Уэйд стал одним из первых теоретиков-обществоведов, которые обратили внимание на то, что стремительное развитие государств Восточной Азии стало возможным благодаря не столько адаптации принципов свободного рынка, сколько эффективному сочетанию рыночных императивов, дисциплинированной государственной регуляции промышленного сектора и национальной специфики кланового капитализма [Wade, s.a.].

Еще одна основательница теоретизирования о государстве, способствующем развитию, — А.Амсден с соавтором Ван-вень Чу из Института социальных наук и философии имени Сунь Ят-Сена (Тайбей, Тайвань) в своей книге “По ту сторону догоняющего развития: модернизационная политика Тайваня” приводят примеры того, как компании из небольшого государства догоняющего развития могут захватить значительную долю на мировом рынке высокотехнологического производства. Авторы убедительно доказывают, что залогом такого развития стали последовательная государственная политика в сфере высокотехнологического производства, становление крупных компаний, которые постоянно совершенствовали технологии, скорость модернизации производственных мощностей и значительные объемы производства. R&D на Тайване, как правило, осуществлялся совместно с государственными лабораториями, которые закладывали основы для производства совершенных продуктов [Amsden, 1989].

Авторы также утверждают, что правительство играло важную роль на всех этапах развития Тайваня, вмешиваясь в экономику с мерами, выходящими за рамки модели свободного рынка, что обусловило приоритет в развитии именно высокотехнологического производства. Еще одной специфической чертой развития Тайваня стало возникновение крупных национальных компаний, а не филиалов транснациональных корпораций, что во многом также было обеспечено государственной регуляцией [Amsden, 1989].

Малайзия, Индонезия, Таиланд и Филиппины, или южноазиатские государства, способствующие развитию, оказались не в состоянии столь же эффективно развивать свою промышленность, но тоже достигли значительного экономического роста примерно тогда же, когда и государства “Большой Тройки”. Причинами неудачи стали, в определенной мере, менее автономная государственная бюрократия и более серьезные проблемы с коррупцией [Routley, 2012, s. a.]. Эти государства как способствующие развитию, идентифицировали Ха Чжун Чан, Р.-Ф.Донер, Б.-К.Ричи, Д.Слейтер, Ш.Хаяси, Дж.-С.Джомо [Chang, 2006; Doner, 2005; Hayashi, 2010; Jomo, 2004].

В книге “Опыт развития Восточной Азии” Ха Чжун Чан, заместитель директора по изучению проблем развития на факультете экономики и политологии Кембриджского университета, приводит анализ поразительного роста восточноазиатских стран, являющихся сегодня самой богатой частью мира помимо исторических государств Ядра в Западной Европе и Северной Америке. Он исследует, как, несмотря на политический авторитаризм, нарушение прав человека, коррупцию, репрессии в отношении профсоюзов, гендерную дискриминацию и дискриминацию этнических меньшинств, эти страны

обеспечили стремительное развитие, в частности благодаря последовательной государственной регуляции экономической сферы [Chang, 2006].

Р.-Ф.Донер, Б.-К.Ричи и Д.Слейтер в своей статье “Систематическая уязвимость и генезис государств, способствующих развитию: Северо-Восточная и Юго-Восточная Азия в сравнительной перспективе” пытаются идентифицировать политические истоки государств, способствующих развитию. Таким государствам, по мнению авторов, присущи бюрократические структуры веберовской природы, но эти структуры выходят далеко за рамки Веберовой дефиниции, налаживая связи с частными субъектами хозяйствования. В то же время они отличаются от клиентистских бюрократически-предпринимательских отношений тем, что они устанавливаются в определенной отрасли; участники частного сектора, как правило, включены в официальные ассоциации, и, наконец, такое взаимодействие обычно строится прозрачно и в соответствии с четкими правилами [Doner, 2005].

В Южной Корее, Тайване и Сингапуре такие учреждения были нацелены на решение проблем системной уязвимости на трех этапах: урбанизации и импортозамещения; построения экспортно ориентированной политики; промышленной модернизации. После Второй мировой войны все эти три страны опасались интервенции и массовых волнений, и ни одна из них не имела экспортных ресурсов для гарантирования безопасности. Догоняющая модернизация нуждалась в развитии институтов, способных планировать модернизационную стратегию и эффективно внедрять ее через государственные и полугражданские организации. Развитие промышленности требовало соответствующих институциональных реформ. Это, в свою очередь, могло привести к снижению заработной платы, что неминуемо вызвало бы массовые недовольства. Вместо этого государство смогло достичь повышения производительности и развития высокотехнологического производства. Таиланд, Индонезия, Малайзия и Филиппины никогда не сталкивались с таким уровнем системной уязвимости, которая бы вынудила правящие элиты искать девелопменталистские стратегии. Отсутствие внешней угрозы и угрозы дефицита бюджета позволило элитам пренебрегать институциональным развитием, что и повлекло снижение конкурентоспособности этих государств на мировом рынке [Doner, 2005].

Ш.Хаяши, доктор политологии и международных исследований в Университете Уорика (Великобритания), в своей работе “Государство, способствующее развитию, в эпоху глобализации: по ту сторону модели политической экономии Северо-Восточной Азии” акцентирует внимание на критике концепции государства, способствующего развитию. Полемика по поводу эффективности этой стратегии, как отмечает Ш.Хаяши, ведется с двух позиций. Неолиберальная позиция ставит под сомнение эффективность самой модели государства, способствующего развитию. Согласно этой точке зрения, государство не было весомым фактором развития в Восточной Азии, и принятие такой стратегии промышленной политики будет иметь губительные последствия для развивающихся стран. Приверженцы иной позиции признают, что значительное развитие действительно было достигнуто на основе девелопменталистской стратегии в прошлом в успешных странах Восточной Азии, но утверждают, что эта модель больше не является жизнеспособной, поскольку могла существовать только во время холодной войны и не может функционировать в современном международном политическом и экономическом климате. Автор активно полемизирует со сто-

ронниками последней позиции, показывает жизнеспособность такой модели развития, апеллирует к тому, что государства, способствующие развитию, существуют не только в Северо-Восточной, но и в Юго-Восточной Азии. Ш.Хаяши постулирует: модель государства, способствующего развитию, по-прежнему представляет собой эффективную стратегию модернизации и может быть реализована за пределами Восточной Азии [Нау, 1998].

Дж.-С.Джомо в статье “Государства, способствующие развитию, в Юго-Восточной Азии по сравнению с перспективами Восточной Азии” ставит акцент на том, что южноазиатские государства, способствующие развитию, — Малайзия, Индонезия, Таиланд, — имеют отличные от государств, способствующих развитию, первой волны государственные институты и проводят иную промышленную политику по сравнению с первым поколением таких стран. Им свойственна более сильная зависимость от политики Мирового банка и от движения иностранного капитала, а также значительно более развитые нерыночные формы кланового капитализма. Такая небудуманная и плохо управляемая финансовая либерализация в Юго-Восточной Азии, по мнению автора, привела к финансовым кризисам 1997–1998 годов. Однако несмотря на такой относительно более слабый и менее удачный опыт государственного регулирования с весьма противоречивыми последствиями, автор убедительно доказывает, что эти страны не достигли бы даже таких результатов без дисциплинированного государственного вмешательства, в первую очередь в сфере промышленной политики [Jomo, 2004].

Ботсвану зачастую указывают как пример одного из африканских государств, способствующих развитию; Руанда, Уганда, Эфиопия и Южная Африка идентифицируются как таковые реже [Routley, 2012: p. 11]. Ботсвана отличается стабильными темпами экономического роста (хотя ее экономика также основана на добыче природных ресурсов, преимущественно алмазов), что дало основания П.Мбабази, Я.Тейлору [Mbabaza, 2005] и Э.Е.Хилбому [Hilbom, 2001:128] идентифицировать ее как государство, способствующее развитию.

П.Мбабази, декан факультета исследований развития Университета науки и технологии Мбарара (Уганда), и Я.Тейлор, лектор в Школе международных отношений Университета Сент-Эндрюс (Великобритания), в книге “Потенциальные государства, способствующие развитию, в Африке: сравнение Ботсваны и Уганды” на материале такого сравнительного анализа убедительно доказывают, что реализацию некоторых элементов стратегии государства, способствующего развитию, можно идентифицировать и за рамками азиатского опыта; более того, относительный успех в модернизации Ботсваны и Уганды связан именно с государственным регулированием экономики [Mbabazi, 2005].

Есть и менее распространенные в научном сообществе попытки идентифицировать государства, способствующие развитию, в Африке. Так, Д.Бут с соавторами анализируют возможность развития патримониального государства, способствующего развитию, на примере Руанды, анализируя деловые операции Руандийского Патриотического Фронта, завязанные на холдинговые компании, привлеченные к централизованному сбору ренты [Booth, 2011].

Маврикий (реже — Чили и Коста-Рика), или социал-демократические государства, способствующие развитию, — достигли неплохого уровня экономического роста; они также активно реализовывали программы борьбы с

бедностью и социальной изоляцией, направляли значительные государственные инвестиции на социальную защиту, охрану здоровья и образование. Эти государства также были относительно демократическими и имели довольно открытое политическое пространство [Routley, 2012: p. 11].

Маврикий как государство, способствующее развитию, идентифицировал Р.Санбрук. Несмотря на отсталость и расовую стратификацию, Маврикий, в отличие от почти всех африканских стран на юг от Сахары, смог реализовать не только постоянный экономический рост, но и достичь определенного уровня социальной справедливости, а также демократизации. Становление Маврикия как государства, способствующего развитию, было обеспечено как решительным и квалифицированным вмешательством правительства в экономику, так и местной спецификой. Во-первых, отсутствовали потенциально реакционные докапиталистические классы. Во-вторых, этническая неоднородность способствовала социально-демократическому компромиссу путем раздела экономической и политической власти. В-третьих, модели управления, введенные во времена британского правления, позитивно повлияли на постколониальное демократическое развитие государства [Sandbrook, 2005].

Идентификация Китая как государства, способствующего развитию, не очень часто, но встречается в социологической литературе [Routley, 2012: p. 12]. Убедительные экономические успехи Китая, по мнению некоторых исследователей (Цзянь-син и Де Чжин; Д.Гаувел), связаны с активной ролью государства в экономике с середины 1980-х годов и преимущественно государственными инвестициями в инфраструктуру, образование и охрану здоровья [Howell, 2006; Johnson, 1995].

Также относительно мало популярна идентификация государства, способствующего развитию, в Израиле, осуществленная Д.Маман и З.Розенхек [Maman, 2012].

Возможны варианты идентификации отдельных элементов государства, способствующего развитию, внутри той или иной страны. Например, Ф.Блок, профессор Университета Калифорнии, в статье “Скрытое государство, способствующее развитию, в Соединенных Штатах” отмечает, что, несмотря на доминирование рыночных фундаменталистов в политике США в течение последних тридцати лет, федеральное правительство значительно расширило свои возможности для финансирования и поддержки усилий частного сектора в развитии инновационных технологий, преимущественно в информационной сфере. Но логика американской политической системы работала на то, чтобы сделать эти усилия невидимыми для гражданского общества. В итоге такое “скрытое государство, способствующее развитию”, оказало важное влияние на структуру национальной инновационной системы США, но ее способность быть эффективной в будущем вызывает очень большие сомнения [Block, 2008: p. 32]. Еще один исследователь, Иван Турок, отмечал важную роль правительств отдельных провинций в реализации деволюционалистских стратегий в ЮАР [Turok, 2010].

Возможна также ретроспективная идентификация государств, способствующих развитию. Так, по мнению современного индийского социолога и политэконома А.К.Багчи, становление первого государства, способствующего развитию, в Европе приходится на середину — конец XVI века и связано с войной за независимость Нидерландов против испанского господства и становлением Объединенных Провинций как единого голландского госу-

дарства в 1579 году. Как государства, способствующие развитию, А.К.Багчи также идентифицирует Великобританию с конца XVI века, Германию 1850–1914 годов и Японию эпохи Мейдзи; при этом он рассматривает понятие государства, способствующего развитию, достаточно широко [Bagchi, 2000]. О генезисе японского государства, способствующего развитию, в 1931–1945 годах пишет Х.Мураками, который приводит в качестве аргумента взаимодействие японской государственной бюрократии с собственниками крупного капитала в управлении Маньчжоу-Го [Murakami, 2012].

Далеко не каждое из названных государств отвечает всем определенным Л.Ротли элементам — имеет дееспособную, автономную, но укорененную в обществе бюрократию и политическое руководство, ориентирующееся на модернизацию, отличается симбиотическими отношениями между государственными органами и ключевыми промышленными капиталистами, внедряет успешные политические меры, способствующие экономическому росту. Часто их идентификация оказывается остродискуссионной, однако их траектория несколько подобна классическим примерам государств, способствующих развитию. Более того, среди ученых не стихает дискуссия по поводу того, могут ли даже те государства, идентификация которых как способствующих развитию традиционна, прибегать к неолиберальным реформам. Поэтому, на наш взгляд, целесообразно идентифицировать государства с элементами девелопменталистской стратегии как “частичные государства, способствующие развитию”, то есть воплощающие элементы стратегии государства, способствующего развитию, но не отвечающие всем приведенным критериям и внедряющие догоняющую модернизацию не слишком успешно.

Еще одним важным аспектом теоретизирования в отношении государства, способствующего развитию, является идентификация “failed developmental states”, или “государств, не состоявшихся как способствующие развитию”. Так, А.К.Багчи идентифицирует таким образом СССР, Индию и Бразилию [Bagchi, 2000], С.Рахнема исследует поражение девелопменталистских стратегий под давлением радикальных исламистов в Египте, Пакистане и Иране [Rahnema, 2008], а американская исследовательница Э.Паулс в работе “Взлет и падение кельтского тигра” иллюстрирует девелопменталистское фиаско Ирландии [Pauls, 2012].

Выводы

Итак, мы обнаружили, что в современной социологической мысли термин “государство, способствующее развитию”, используется для обозначения группы стран, где государство играло активную роль на том или ином этапе их развития.

Точный перечень атрибутов, присущих государству, способствующему развитию, не является окончательным. Ссылаясь на модель Л.Ротли, можно выделить следующие основные критерии: дееспособная, автономная, но укорененная в обществе бюрократия; политическое руководство, которое ориентируется на модернизацию; близкие, часто взаимовыгодные, симбиотические отношения между отдельными государственными органами и ключевыми промышленными капиталистами; успешные политические меры, содействующие экономическому росту.

Перспективным направлением исследований является выяснение вопроса о дееспособности и устойчивости во времени государства, способст-

вующего развитию, в условиях триумфа неолиберальной глобализации, а также о существовании государства, способствующего развитию, которое преодолевает свою тесную связь с авторитарной бюрократией восточноазиатского типа или ленинской харизматической бюрократией и становится конгруэнтным с демократическими практиками и институтами (подробнее о размежевании демократического и авторитарного государств, способствующих развитию, см.: [Кутуев, 2005]).

Также важным вопросом остается изучение отдельных стратегий развития институциональной структуры государства, способствующего развитию, — какие правила игры (институты) и организации (игроки) и какая предыдущая траектория развития сообществ содействуют появлению такой государственной модели, а какие нет; достаточно ли для такого государственного проекта организаций, то есть узких групп (активистской группы вокруг лидера (“философа на троне”)/образованной бюрократии/военных и т.п.) или такой проект требует массовой поддержки населения, разных социальных групп; как на такое государство влияет существующая структура доступа к ресурсам; возможны ли здесь “универсальные институциональные рецепты/решения” или это всегда контекстуальный набор правил игры, прочно привязанный к истории развития такого государства/общества; и наконец, с каких именно институтов нужно начинать построение такой государственной модели?

Остро дискуссионным вопросом по поводу государств, способствующих развитию, является спор о том, какие государства и по каким критериям можно идентифицировать как способствующие развитию; в современной социологии прослеживается тренд на исследование модели государства, способствующего развитию, с акцентом на понимании развития не как сугубо экономической категории, а шире — с точки зрения содействия развитию человеческого ресурсов, что дает основания предположить возможность интеграции концепции государства, способствующего развитию, в программу постоянного развития.

Источники

Дерлугьян Г. Как устроен этот мир. Наброски на макросоциологические темы / Георгий Дерлугьян. — М. : Изд-во Института Гайдара, 2013. — 176 с.

Кутуев П.В. Концепції розвитку та модернізації в соціологічному дискурсі: еволюція дослідницьких програм / Павло Кутуєв. — К. : Сталь, 2005. — 500 с.

Кутуєв П. Соціологічна теорія поміж Сходом і Заходом / Павло Кутуєв. — К. : Вид-во НПУ ім. М.П. Драгоманова, 2011. — 376 с.

Малюк А. Дискурс глобалізації з точки зрення мир-системного аналізу [Електронний ресурс] / Андрей Малюк // Соціологія: теорія, методи, маркетинг. — 2005. — № 2. — С. 176–196. — Режим доступу : http://i-soc.com.ua/journal/09_Maljuk.pdf.

Норт Д. Інституції, інституційна зміна та функціонування економіки / Даглас Норт. — К. : Вид-во Соломії Павличко “Основи”, 2010. — 190 с.

Остром Э. Управляя общим: эволюция институтов коллективной деятельности / Элино́р Остро́м. — М. : Мысль, ИРИСЭН, 2011. — 447 с.

Фисун А.А. К переосмыслению постсоветской политики: неопатримониальная интерпретация [Электронный ресурс] / Александр Фисун // Политическая концептология. — 2010. — № 4. — С. 158–187. — Режим доступу : http://www-philosophy.univer.kharkov.ua/ua/kafedra/staff_pol/books/fisun/fisun_politkonzeptologia.pdf.

Якубин А. Надежда и кочерыжка или неоинституциональная ухрония [Электронный ресурс] / Алексей Якубин // Спільне: журнал соціальної критики. — 2015. — Режим доступу : <http://commons.com.ua/nadezhda-i-kocheryzhka/>.

Якубин О.Л. Соціальні зміни поза державою: інститути та глобальна еволюція / Олексій Леонідович Якубін // Теорія соціальних змін: сучасні соціологічні концептуалізації: навч. посіб. / Олексій Леонідович Якубін; за заг. ред. П.В. Кутуєва. — К., 2014. — С. 153–175.

Amsden A. Asia's Next Giant: South Korea and Late Industrialisation / Alice Hoffenberg Amsden. — Oxford : Oxford University Press, 1989. — 379 p.

Arrighi G. Historical Capitalism, East and West / Arrighi G., Hui P., Hung H.F., Selden M. // The Resurgence of East Asia: 500, 150 and 50 year Perspectives / ed. by G. Arrighi, T. Hamashita, M. Selden. — L. ; N.Y. : Routledge, 2003. — P. 259–333.

Bagchi A.K. The Past and the Future of the Developmental State [Electronic resource] / Amiya Kumar Bagchi // Journal of World-Systems Research, 2000. — № VI, 2. — P. 398–442. — Access mode : <http://www.jwsr.org/wp-content/uploads/2013/05/jwsr-v6n2-bagchi.pdf>.

Bellah R.N. Tokugawa Religion: The Values of Pre-Industrial Japan / Bellah R.N. — N.Y. : Free Press, 1957.

Bellah R. Reflections on the Protestant Ethic Analogy in Asia / R. Bellah // The Protestant Ethics and Modernization: A Comparative View / ed. by S.N. Eisenstadt. — N.Y. : Basic Book, 1968. — P. 243–251.

Block F. Swimming Against the Current: The Rise of a Hidden Developmental State in the United States [Electronic resource] / Fred Block // Politics & Society. — 2008. — Vol. 36, №2. — P. 169–206. — Access mode : <http://sociology.ucdavis.edu/people/fzblock/pdf/swimming.pdf>.

Booth D. Developmental Patrimonialism? The case Of Rwanda / David Booth, Frederick Golooba-mutebi // African Affairs. — 2011. — Vol. 111, Iss. 444. — P. 379–403.

Cardoso F.E. Dependency and Development in Latin America / F.E. Cardoso, E. Faletto. — Berkeley : University of California Press, 1979. — 227 p.

Chang H.-J. The East Asian development experience: the miracle, the crisis and the future / Ha-Joon Chang. — L. : Zed Books, 2006. — 310 p.

Chibber V. Bureaucratic Rationality and the Developmental State / Vivek Chibber // American Journal of Sociology. — 2002. — Vol. 107, № 4. — P. 451–477.

Chong A. Teaching international relations in Singapore 1956–2008: from supporting development to global city aspirations? / Alan Chong, See Seng Tan // International Relations of the Asia-Pacific. — 2009. — Vol. 9. — P. 19–54.

Derluigian G. Bourdieu's secret admirer in the Caucasus: a world-system biography / Georgi M. Derluigian. — Chicago : The University of Chicago Press, 2005. — 416 p.

Doner R. Systematic Vulnerability and the Origins of Developmental States: Northeast and Southeast Asia in Comparative Perspective / Richard F. Doner, Bryan K. Ritchie, Dan Slater // International Organisation. — 2005. — № 59. — P. 327–361.

Evans P. Embedded Autonomy: States and Industrial Transformation / Peter Evans. — Princeton ; NJ : Princeton University Press, 1995. — 336 p.

Evans P. Human Development, State Transformation and the Politics of the Developmental State / Peter Evans, Patrick Heller // The Oxford Handbook of Transformations of the State. — 2012. — Vol. 5. — P. 1–35.

Gagliardone I. New Media And The Developmental state In Ethiopia / Iginio Gagliardone // African Affairs. — 2014. — Vol. 113, Iss. 451. — P. 279–299.

Hay C. That was Then, This is Now / C. Hay // New Political Science. — 1998. — Vol. 20, № 1. — P. 7–34.

Hayashi S. The developmental state in the era of globalization: beyond the Northeast Asian model of political economy / Shigeko Hayashi // The Pacific Review. — 2010. — № 23(1). — P. 45–69.

Hillbom E. Botswana: A Development-Oriented Gate-Keeping State / Ellen Hillbom // African Affairs. — 2011. — Vol. 111, Iss. 442. — P. 67–89.

Howell J. Reflections on the Chinese State / Jude Howell // Development and Change. — 2006. — № 37(2). — P. 273–297.

Jian-xing Y. The Developmental State and Beyond: The Case of China / Y. Jian-xing, S. De-jin // Fudan Journal of the Humanities and Social Sciences. — 2010. — № 3(4). — P. 42–66.

Johnson C. Japan, Who Governs? The Rise of the Developmental State / Chalmers A. Johnson. — N.Y. : Norton, 1995. — 384 p.

Johnson C. MITI and Japanese Miracle: The Growth of Industrial Policy, 1925–1975 / Chalmers A. Johnson. — Stanford : Stanford University Press, 1982. — 393 p.

Jomo K.S. Developmental States: Relevancy Redundancy or Reconfiguration / Kwame Sundaram Jomo. — N.Y. : Nova Science, 2004. — 239 p.

Makki F. Reframing development theory: the significance of the idea of uneven and combined development / Fouad Makki // Theory and Society. — 2015. — № 22.

Maman D. The Institutional Dynamics of a Developmental State: Change and Continuity in State–Economy Relations in Israel / Daniel Maman, Zeev Rosenhek // Studies in Comparative International Development. — 2012. — Vol. 47, Iss. 3. — P. 342–363.

Mbabazi P. The Potentiality of ‘Developmental States’ in Africa: Botswana and Uganda Compared [Electronic resource] / Pamela Mbabazi, Ian Taylor. — Dakar : Codesria, 2005. — 188 p. — Access mode : <http://www.codesria.org/spip.php?article1377&lang=en>.

Murakami H. Emergence of the Japanese Developmental State: Japanese Management of ‘Manchukuo’ through Special Corporations / Hiromi Murakami // Asian Journal of Political Science. — 2012. — Vol. 20, № 2. — P. 129–153.

Paus E. The Rise and Fall of the Celtic Tiger: When Deal-Making Trumps Developmentalism / Eva Paus // Studies in Comparative International Development. — 2012. — Vol. 47, Iss. 2. — P. 161–184.

Pereira A.A. Whither the Developmental State? Explaining Singapore’s Continued Developmentalism / Alexius A Pereira // Third World Quarterly. — 2008. — Vol. 29, № 6. — P. 1189–1203.

Political Business in East Asia / ed. by E.T. Gomez. — L.; N.Y. : Routledge, 2002. — 368 p.

Rahnema S. Radical Islamism and Failed Developmentalism / Saeed Rahnema // Third World Quarterly. — 2008. — Vol. 29, № 3. — P. 483–496.

Ramseyer J.M. Japan’s Political Market Place / J. Mark Ramseyer, Frances M. Rosenbluth. — Cambridge, MA : Harvard University Press, 1993. — 272 p.

Routley L. Developmental States: a Review of the Literature / Laura Routley // ESID Working Paper. — 2012. — № 3. — P. 1–60.

Sandbrook R. Origins of the Democratic Developmental State: Interrogating Mauritius / Richard Sandbrook // Canadian Journal of African Studies. — 2005. — № 39(3). — P. 549–581.

Sasada H. The Evolution of the Japanese Developmental State: Institutions Locked in by Ideas / Hironori Sasada. — Abingdon ; Oxon, NY : Routledge, 2013. — 220 p.

Skocpol T. States and Social Revolutions: A Comparative Analysis of France, Russia and China / Theda Skocpol. — Cambridge : Cambridge University Press, 1979. — 407 p.

Storz C. Innovation, Institutions and Entrepreneurs: The Case of ‘Cool Japan’ / Cornelia Storz // Asia Pacific Business Review. — 2008. — Vol. 14, № 3. — P. 401–424.

Turok I. Towards a developmental state? Provincial economic policy in South Africa Development / Ivan Turok // Southern Africa. — 2010. — № 27, 4. — P. 497–515.

Wade R. Governing the Market: Economic Theory and the Role of Government in East Asian Industrialization [Electronic resource] / Robert Wade. — Princeton University Press Princeton And Oxford. — Access mode : <http://faculty.washington.edu/swhiting/pols502/Wade.pdf>.